

«Есть амулет, подобный вещей птице...»

Вариации на бунинские темы.

*Мария АНУФРИЕВА, Леонид БАХНОВ, Елена ДОЛГОПЯТ,
Михаил ЗЕМСКОВ, Олег КОРИОНОВ, Игорь КОРНИЕНКО,
Илья КОЧЕРГИН, Владимир ЛИДСКИЙ, Александр МАЛЕНКОВ,
Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ*

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина — нобелевского лауреата и классика, писателя, и сегодня читаемого и почитаемого — живого.

Собирая журнальный номер, героями которого стали люди, птицы и звери в их первозданной сущности и взаимных перевоплощениях, мы подумали, что было бы интересно не просто перечитать в таком ракурсе бунинские книги (литературоведческих исследований на эту тему — пруд пруди), но опереться на опыт писателя, в чьем творчестве неразделимы поэзия и проза, понимание законов мира природы, тончайших движений человеческой души и повадок животных — реальных и мифических. Менее всего это напоминает записки охотника, сказки рыболова и прочие заметки фенолога. И вообще оказалось, что, возможно, даже более интересны в этом смысле не рассказы, а бунинские стихи.

Это мир, равно распахнутый Богом для жизни всего живого, светлый и ясный — сотканный из возможностей выбора и противоречий, несущий радость нового дня, кипение страстей — и одновременно щемяще печальный в осознании бренности всего сущего и лукавости сбывшегося желания.

Там чуть шепчутся кузнечики в траве, меж посевов ячменя семенит ушастый библейский ослик, там пригревшаяся, прижавшись к ногам хозяина — ее божества, — собака мечтает о «студеной, дикой» родине: «седое небо, тундры, льды и чумы», а худая компаньонка, купаясь в море, мечтает о том, что «кто-нибудь увидит,/ Как выбежит она, полунагая,/ В трико, прилипшем к телу, из приборя», и — благодарение судьбе — никогда не узнает, что в это время на обрыве «Писатель, пообедавший в гостях,/ Сигару покурил и, усмехнувшись,/ Подумал: “Полосатое трико/ Её на зебру делало похожей”»...

И это — мир таинственный и жуткий, полный мистики и суеверий.

Там в черной осенней ночи мерцают волчьи очи. На распутье в диком древнем поле «сумрачно и важно» сидит на кресте черный ворон: «И один я в поле, и отважно жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...» Там сбываются запрещающие приметы — застрелившему сапсана грозит беда: «И вот ко мне/ Стал гость ходить. Он до рассвета/ Вкруг дома бродит при луне./ Я не видал его. Я слышал/ Лишь хруст шагов». Глаза козюли — змеи, «медленно ползущей/ К своей норе ночью сонной пущей,/ Горят, как угли». И птица Вирь в серо-аспидном уборе «так жалостно поёт,/ С такою нежностью глубокой,/ Что, если к скиту забредёт/ Случайно путник одинокий,/

Он не покинет те места...» Мне не однажды слышалась интонация подростковых страшилок: «В холоде голых, прозрачных аллей/ Пробует цокать, трещит соловей./ В доме, уж тёмном, в раскрытом окне./ Девочка косы плетёт при луне...» Наш коллега по журналу прозаик Александр Снегирёв заметил, прочитав мой «сборник цитат»: «Троллит».

Словом: мы предложили нашим авторам написать короткие, на две-три журнальные полосы, рассказы, взяв эпиграфом строки, строфы, сюжеты из бунинских стихов, где обитают люди, птицы и звери. Что из этого вышло — судить вам.

Наталья ИГРУНОВА

Илья Кочергин

Карантинные рекомендации

Всё мне чудится что-то живое,
Всё как будто зверьки пробегают.

Иван Бунин

Человек предполагает, а природа располагает, парень. Мы планируем наше будущее слишком разумно, без расчетов на пандемии и прочие неудобные и неизбежные глупости. Поэтому, пока ты тратишь основное свое карантинное время на овладение онлайн полезными знаниями в рамках лицейской программы, пока ты слушаешь дополнительно рекомендованные интересные лекции о Томасе Гоббсе или Пьере Бурдьё, я постараюсь, мой сын, подстелить тебе соломку в виде бесполезных знаний, почерпнутых мной в скитаниях и книжках. Неизвестно, что может пригодиться, что больше понадобится тебе в зыбком будущем, на которое нельзя полностью положиться, на которое нельзя толком опереться в эпоху, когда у идеи прогресса вышел срок хранения.

Первый и главный принцип — съедобны почти все животные и птицы, даже дятел или сова, хотя я сомневаюсь, что ты сможешь с удовольствием лакомиться вонючей волчатиной или мясом горностая (разве что у тебя будет заложен нос). Будь же толерантен в этом вопросе — беличье мясо намного вкуснее, чем говядина из «Пятерочки» или «Вкусвилла», а рысьятина, барсучятина или собачятина просто бесподобны!

Однако по возможности не стоит все же употреблять в пищу голову добытого на охоте зверя. Не стоит жадничать и крохоборствовать, пусть голова останется в лесу, она там не пропадет попусту, голову же домашней скотины — ешь, пожалуйста, сколько угодно. Смотри, кстати, прикушен ли язык у убитого тобой оленя, если прикушен — это хорошо, это к добру.

Не стоит есть и печень медведя, поскольку этот орган у него является человеческим. От поедания медвежьей печени может начаться «нытье души». Иными словами, поедание кем-то медвежьей печени — это своего рода звоночек, сигнал тебе о том, что

Кочергин Илья Николаевич — прозаик, фотограф. Закончил Литературный институт им.А.М.Горького. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир» и др. Автор книг «Точка сборки» (М., 2018), «Ich Любэ Dich» (М., 2018) и др. Живет в Москве. Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 6.

человек или совершенно не смыслит в медведях, или находится уже на стадии перехода к канныбализму. Какая-то часть тела сурка тоже является человеческой, кажется, лопатка, а может, лапа — я не помню точно, сурков я не ел.

Помни, что на медвежьей шкуре не стоит зачинать детей — получатся звероватыми. Да и вообще, не стоит класть детей на нее, заворачивать и прочее. Нежелательно, пожалуй, при слишком впечатлительных мальчиках снимать с медведицы шкуру — гендер у них неустойчивый станет.

С крупных зверей шкура снимается пластом, с мелких же (кроме крота и суслика) — чулком или трубкой, то есть без разреза по животу. Говорят, что тонкую, легко рвущуюся шкурку зайца легче снимать, если предварительно надуть ее через разрез на лапке — это, наверное, кому как, лично я в таком способе большого толка не увидел.

Перед тем как выбросить голую, обснятую тушку соболя, ее лучше «стреножить», чтобы попадающие в твои ловушки и поставушки зверьки в будущем реже убегали. Для этого две лапки продеваются в надрез между костью и сухожилием третьей. Это не менее результативно, чем трогать «на удачу» нос бронзовой собаки на станции метро «Площадь революции».

Желчь кунных не выбрасывай, она не хуже кабаньей или медвежьей. Повесь над печкой, пусть сохнет. Двадцать соболиных, говорят, идут по цене за одну медвежью. Применяй их на всякий случай от всех болезней, если доступ к обычным лекарствам будет сильно затруднен какими-нибудь природными или социальными явлениями. Не поможет, так эффект плацебо сработает, главное — верить. С помощью желчи можно даже проводить стоматологическое лечение — засунь ее в дупло больного зуба и замажь сверху смолой. Через три дня он без особой боли раскрошится и выпадет по частям. Минус лечения в том, что страдают два соседних зуба, но для удаления одиноко стоящих зубов, я считаю, метод идеален.

Щучья желчь вроде бы хороша от глазных болезней. А еще можно собирать капли, стекающие после дождя с гнезда ремеза — оно похоже на мешочек, свешивающийся с ветки дерева над водой. Вход в гнездо идет через трубочку сбоку. Я, по-моему, показывал тебе эти гнезда, когда мы на даче гуляли. Это тоже от глаз.

Если растолочь «чертовы пальцы» — окаменевшие ростры белемнитов, то получается очень полезный порошок от каких-то недугов.

Зубную боль облегчают прикосновением клюва дятла. Лошадиным потом сводят бородавки. От бесплодия глотают пауков (впрочем, это тебе не понадобится). А вот то, что живых вшей глотают при больной печени, это уж совершенно точно. Только их надо довести до больного живыми, а то как-то в фанфурик от зеленки положили, и они там задохнулись, когда фанфурик везли в кармане из районного поселка верхом семьдесят километров.

Пока не забыл, упомяну сразу о твердой внутренней оболочке желудков рябчиков — таскай с собой в кармане парочку на всякий случай, они отлично заменяют «Фестал». Очень хорош хвост маралухи — там внутри такая коричневая не особо приятная на вкус ткань. Этот хвост не оценим для ослабленных, готовящихся к чему-то важному и трудному. Одним словом, для многих.

Говорят, для повышения остроты зрения хороши глаза рыси. Мне они не помогли — я их, засушенные, расковырял ножом и по незнанию проглотил получившийся порошок вместо того, чтобы насыпать себе в глаза.

Послушай еще немного, парень, потерпи, сядь вот сюда. А то потом буду переживать, что не нашел времени рассказать тебе о важном, но бесполезном, о том, что позволяет еще поддерживать тонкую ниточку связи между нами и рябчиками, медведями, соболями. Мало ли что случится. Не исключено, что из-за слишком большой нашей привязанности к здравому смыслу тебе или твоим детям придется немного по-другому добывать себе кусок мяса насыщенный в нашей родной Москве.

Продираться сквозь заросли ивняка, чтобы проверить ловушки на берегах Чистых прудов, или белковать в дремучем Нескучном саду.

Возня с мехом и шкурками — довольно медитативное, приятное занятие (кстати, мездрить шкурки мелких зверей удобно, надев на руку капроновый чулок). Но сначала ведь нужно убить зверя или скотину, снять шкуру и разделать съедобных животных на части. Это один из важных видов контакта с миром, парень. Убийство животных для пропитания или ради шкурок — это не так страшно, если ты остаешься в близких отношениях с лесом или ходишь за своей скотиной и соблюдаешь кое-какие правила, показывающие твою включенность в не расколдованный до конца мир. Если ты хотя бы время от времени «припадаешь ухом к груди доброй коровы», что Василий Розанов называл «великим делом».

Ну а если мир, по словам Макса Вебера (которого ты проходил на социологии), расколдуется для тебя до конца, то убийство станет просто уничтожением другого существа. Тогда без колебаний переходи на вегетарианство, так будет лучше. Хотя, кто знает — надолго ли это снимет с тебя сомнения, ведь растения тоже чувствуют, только по-другому, по-своему как-то.

Недавно в Массачусетском университете создали робот-гибрид по имени Элован — цветочный горшок на колесиках, управляемый растением. Этот бедолага подобно инвалиду в электрической коляске ездит, направляет свой горшок от одного источника света к другому. Что-то чувствует, значит, чего-то желает, соображает или, не знаю даже, какое тут подобрать слово. Живет, в общем, наслаждается, поди, невиданной для растений скоростью.

С этим вегетарианством что-то не до конца продумано. Да и не особо толерантно это — без зазрения совести убивать комаров, бороться с молью, травить тараканов и при этом умиляться тем и щадить тех, кто в большей степени, чем насекомые, похож на тебя. Мы, парень, все же вступаем в эпоху постгуманизма, нужно соответствовать, быть, так сказать, в тренде. Антропоцентризм-то, сам знаешь, выходит из моды.

Как бы там ни было, при разделке животных правило одно — старайся резать там, где и резать особо нечего. Хоть суставы разбираешь, хоть шкуру снимаешь. Нож только показывает телу, где оно должно распасться на части. Этому учат еще древнекитайские мудрецы. Тогда у тебя все получится легко и красиво, если смотреть со стороны.

С грудины у мелкого скота шкуру можно не срезать, а запекать все это на углях целиком, попробуй — не пожалеешь. Следи, чтобы при разделке не перешагивать через мясо — нехорошо это. Поменьше пользуйся топором, это не эстетично.

Очень полезно и приятно бывает при разделке убоины отрезать кусок печени или почки и съесть сырым. На костный мозг из трубчатых пястных костей копытных, которые чуть запекаются на костре, особо не налегай без привычки. Хотя, конечно, трудно удержаться, когда, сидя на земле посреди дикой природы, весь в золе и жире, как свободный варвар доиндустриальных времен, колешь обушком ножа кости, высмактываешь из них содержимое и безмятежно глядишь в далекий горизонт.

В жаркое время мясо неплохо подвялить немного на воздухе, чтобы оно покрылось сухой корочкой, а потом уж везти домой. Как уж ты будешь потом, дома, его нарезать перед готовкой — дело твое. Но вот английский гуманист рубежа XVIII—XIX веков Уильям Хэзлитт все же советует не допускать, чтобы форма подачи к столу животных «обличала наши чревоугодие и жестокость». Он как гуманист предлагает нарезать животных помельче, чтобы «их нельзя было распознать».

Ладно, я что-то увлекся. Заканчиваю, а то у меня сейчас вебинар очередной начинается. Я вот, кстати, — иди, картинку посмотри быстренько — в Гугле «гнездо ремеза» набрал. А то ведь ни фига не помнишь, как всегда.

Эх ты, мой «отросток природы для самопознания», как Гёте вроде бы имел привычку говаривать. Медведя-то от кабана хоть сумеешь отличить?

Михаил Земсков

Серёжа, это ты?

...Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днём орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клетком псов на кости созывали,
Гроза ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орёл седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

Иван Бунин

Он отставил тарелку. «Морковь по-корейски», купленная в ближайшей кулинарии, оказалась «просто морковкой», мелко нашинкованной, засыпанной красным перцем и залитой уксусом. И еще немного заветренной. Он ведь подозревал... но почему-то так сильно хотелось остренького сегодня.

Включил телевизор (еще старый советский — но зачем выкидывать, если работает?). Попереключал каналы, выключил.

Потер начинавшую пятнисто седесть щетину. «Надо бы побриться, а то через пару дней уже труднее сбривать будет. Или опять бороду отпустить?» Но с этими пегими пятнами седины борода — даже вымытая и аккуратно расчесанная — смотрелась клочковатой и неухоженной.

Хорошо было бы убраться в квартире сегодня. Но — устал, не хочется вставать из глубокого, продавленного еще родителями, кресла. На самом деле приборка требовалась уже неделю как. Но в предыдущие дни точно так же не хотелось вставать из глубокого кресла.

Он подтянул к себе старый — тоже оставшийся еще от родителей — дисковый телефон. Достал из кармана джинсов пачку мелких купюр, вытащил наугад одну. Десятка. Положил на столик рядом с аппаратом. Поднял трубку. Аккуратно и не спеша набрал цифры с серийного номера темно-зеленой бумажки. Откашлялся.

Три гудка — и на том конце ответили.

— Алло. Алло? — Неуверенный голос молодого парня.

Он выдохнул в трубку, потом еще раз. Услышал (или показалось?), как парень на том конце сглотнул:

— Алло? Жанна, это ты? Жанна, почему ты ничего не говоришь? Ты все еще обижаешься на меня? Прости, я теперь понимаю, что был не прав... Жанна, скажи хоть что-нибудь. Давай начнем все сначала...

Он выдохнул в трубку еще раз и расплылся в довольной улыбке. Кончик его носа слегка задрожал.

— Алло? Жанна... Давай встретимся и поговорим... Все обсудим...

Он положил трубку, тихо рассмеялся и потер нос. Налил себе чаю, еще раз ковырнул вилкой вялую морковную строганину и окончательно отодвинул тарелку. Надкусил овсяную печеньку, запил.

Для него все стало проще в позапрошлом году. Тогда все вокруг жаловались на жизнь, на девальвацию, на повышение цен, на задержку зарплат. Он не жаловался, а сел за баранку. Денег не так много, но больше, чем в проектном институте, из которого ушел, и — каждый день, а не раз в несколько месяцев. «Бог даст день, даст и пищу» — так в его детстве часто приговаривала прабабушка. Оказалось — так и есть.

Он снова достал пачку денег. Снова выбрал наугад. Двадцатку положил между десяткой и телефоном. В этот раз долго не отвечали, и он уже хотел вернуть трубку на рычаг, но вдруг что-то шелкнуло и хриплый женский голос тихо проговорил:

— Алло?

Выдох в трубку.

— Алло? Лёшенька, это ты? Лёшенька, плохо слышно.

На его лбу появилась испарина, но дыхание оставалось ровным.

— Алло? Лёшенька, ты можешь говорить, отца сейчас дома нет... В любом случае, он уже так не сердится на тебя. Он тоже хочет, чтобы ты вернулся. Ты откуда звонишь? Из Москвы? Как ты там питаешься? Ты не болеешь? Лёшенька, скажи хоть слово, пожалуйста! Мы готовы все простить, лишь бы только вернулся...

Он осторожно нажал пальцами на рычаг, в трубке стихло. Потом резко, с каким-то глухим рыком, выдохнул, рассмеялся и задумчиво посмотрел на стену напротив. Положил трубку. Продолжая улыбаться, потер ладонью лоб, закрытые глаза. Снова уставился на незатейливые узоры обоев.

Через несколько минут очередная комбинация цифр со случайной купюры связала его с новым абонентом.

— Алло, — чуть визгливый молодой женский голос.

Он выдохнул.

— Алло?!

Вдохнул-выдохнул.

— Ах ты мерзавец, опять звонишь и дышишь! Когда ты уже оставишь меня в покое?! Подлец, скотина!

Неожиданно для самого себя он скривил какую-то клоунскую физиономию и попытался еще глубже втереть зад в яму кресла.

— Ну что за подлец, а? — продолжала распалататься молодая женщина. — Я, между прочим, скоро замуж выхожу. Завтра же расскажу своему жениху, он тебя найдет — так отделает, мало не покажется. Ну говори, скажи хоть что-нибудь. Откуда ты звонишь, из дома? Пойми, придурок, я никогда к тебе не вернусь! Нет, я прямо сейчас жениху позвоню, пусть он сейчас к тебе приедет, твою мерзкую харю попортит!.. — Послышались короткие гудки.

Он залился счастливым смехом. Положив трубку, обхватил колени. Потом вскочил с кресла, прошелся взад-вперед по комнате и повалился на диван. Радостная и словно замороженная улыбка не сходила с лица. Он повернулся на спину, взгляд нашел на потолке сеть мелких трещинок, в которых ему всегда виделась летающая

тарелка в эпицентре молний. Мини-фреска естественного происхождения напоминала схожий узор на потолке старой квартиры, в которой он провел детство. Все с той же улыбкой на лице он закрыл глаза.

Зазвонил телефон. Он вздрогнул, оглянулся на серый аппарат. Резкая напористая трель повторилась. Он почти забыл, как громко и раздражающе умеет звенеть эта пластиковая коробочка. И как долго...

Он сел на диване. Телефон продолжал звонить. Ему казалось, что каждая новая трель запускает в комнату дополнительную порцию страха и тревоги. Необходимо было это остановить.

Он подошел к аппарату и поднял трубку. Открыл рот, но ничего не сказал. На том конце были слышны приглушенные звуки, потом неуверенный детский голос проговорил:

— Алло? Папа? Папа, здравствуй. Папа, ты меня слышишь? Я научился сам звонить, и мама мне наконец дала твой номер телефона. Я ведь уже научился сам звонить, мне уже скоро семь лет. И еще мама сказала, что нашего попугайчика ты мне подарил, на день рождения, когда мне два года было. А попугайчик вчера умер. Алло? Папа, я тебя не слышу. Ты меня слышишь? Это Серёжа. Папа?

Он испуганно отвел от уха трубку. Потом снова прижал, хотел что-то сказать, но вдруг бросил ее на рычаг.

Не прошло и минуты, как снова раздался звонок. Он встал с кресла, прошел к двери и закрыл ее за собой. В коридоре наклонился к телефонной розетке и вытащил из гнезда шнур.

Вернувшись в комнату, сел в кресло. Допил остатки чая. Достал из кармана пачку мелких денег, разложил купюры на столе. Пятерки — к пятеркам, десятки — к десяткам, двадцатки — к двадцаткам. Одну полсотенную и две сотки отодвинул отдельно к краю. Встал с кресла и вышел на кухню. Налил в чайник воду и поставил на плиту. Вышел в коридор, вставил телефонный шнур в розетку и посмотрел на телефон. Тот молчал. Он подошел к серому аппарату, поднял трубку проверить сигнал. Обычный длинный гудок.

Он сел в кресло. Убрал полсотенную и две сотки в ящичек стола. Собрал оставшиеся аккуратно разложенные купюры и сунул их в карман джинсов.

Зазвонил телефон. Он выждал три сигнала, осторожно поднял трубку и приложил к уху. Открыл рот, но ничего не сказал. На том конце было слышно чье-то дыхание.

— Серёжа? — спросил он тихо. — Алло, Серёжа, это ты? Это твой папа. Ты меня слышишь? Я не слышу. Алло, скажи что-нибудь. Я подарю тебе нового попугайчика. Алло. Серёжа?

Услышал (или показалось?) чей-то сдавленный смех, и потом — короткие гудки.

Владимир Лидский

Гений карантина

Кошка в крапиве за домом жила.
Дом обветшалый молчал, как могила.
Кошка в него по ночам приходила
И замирала напротив стола.

Иван Бунин

...но я уже ничего правильно не помню, а помню неправильно, потому что прошло много лет и мне сейчас много лет, я путаю улицы, путаю города и страны, виденные в скитаниях, но помню, пусть и неправильно, что дом-корабль, дом-призрак стоял на Крестовском, которого нынче, кажется, нет, — Первого Крестовского переулка нет, а есть лишь Второй, и вот в Первый входили мы, одолев пустырь, с проспекта или шли от метро, втягиваясь в район имперских семиэтажек, сворачивали в проулок, а оттуда — в тупик, где стоял дом, косматый и дряхлый, уже накренившийся, источенный древесным жуком, сказочный, таинственный дом — в клочьях тумана, дождевых каплях, в зарослях влажной крапивы и дрожащего топинамбура... мы открывали подъездную дверь, ступали на лестницу, шаткую, деревянную, всю состоящую из скрипов и вздохов, вусмерть пропахшую кошками, которых было здесь множество — они плодились, умирали и снова плодились, каждую я помнил в лицо, и посейчас помню, хотя уж и прошла целая жизнь... о ту пору под лестницей жили четыре кошки: белая, черная и две серо-полосатые, еще был кот, приходящий, — рыжий, мордастый и беспредельно наглый... итак, миновав кошек, лестницу и запахи ада, мы открывали обитую доисторическим дерматином дверь и ступали в тоннель, укутанный сумерками сорокаваттных ламп: слева жил похожий на обезьяну бандит Антрацит, рядом была дверь к деду и бабушке, дальше, на повороте, пряталась в темноте нора Трапезникова, бывшего нэпмана, и если представить себе трагическую фигуру человечества в рубище, то сей Трапезников был, несомненно, одной из самых колоритных заплат на нем; в крайней камерке у туалета жила Еповская, маленькая старуха с седыми космами — я боялся ее, потому что мне едва исполнилось три, а она была похожа на ведьму, больше того, бабушка остерегала меня: не ходи к ней, она колдунья и погубит тебя! дом, полный призраков, одичавшие кошки, гориллоподобный бандит Антрацит... и стены дома, сложенные из столетних бревен, источенных бессчетными поколениями жуков... Еповская! страшная старуха Еповская! а ведь она и не старуха была... что может понимать трехлетний малыш? разве сказку, жуткую сказку, сказанную бабушкой... и вот эта судьба, которая лишь сейчас становится былью: девочка жила в улицах без призору, а середина двадцатых много еще плодила таких детей, — она бродяжила по стране, умирая от голода, воруя, и жила, как могла... а попав в Москву, где, казалось ей, легче жить, дважды попадала в облавы, дважды сбегала из подростковых коммун и

Владимир Лидский (Михайлов Владимир Леонидович) родился в 1957 году в Москве. Окончил ВГИК, сценарно-киноведческий факультет. Поэт, прозаик, драматург, историк кино. Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», сборников стихов «Семицветье» и «По ту сторону зеркала», нескольких киноведческих книг. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый журнал» и др. Член Союза кинематографистов Кыргызской Республики. Живет в Бишкеке. Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 5.

наконец прибилась к ЕПО — Единому потребительскому обществу, где ее пригрели, дали работу и кусок хлеба, — она прижилась и лет пять работала в маленьком цехе, клепавшем посуду из алюминия, она стала дочкой цеха, как позже, в войну, подростки становились сынами полков, и получила бумаги, в бумагах было: Еповская Катерина — в честь ЕПО; в тридцать пятом цех вымер — из двенадцати работяг семеро пошли по *кировскому потоку* в лагерь, одного расписали под расстрельной стеной, а еще один, отчаявшись терпеть пытки, свел счеты с жизнью в изоляторе Бутырской тюрьмы; молодая красавица Катя взяла восемь лет и отправилась по этапу в Пермь; сорок третий был последним годом ее мытарств, да не тут-то было: зэков не пустили в мир, оставили взаперти, сказав, что война и что нечего делать отщепенцам в миру, пускай, мол, мир обойдется без них, в миру весь советский народ в едином порыве стоит супротив врага, а врагу что делать супротив врага? она хотела убить себя, но юность взяла свое... вышла в сорок восьмом, а еще через годы случился съезд, и она стала писать письма в ЦК и в Комиссию; в шестидесятом она, стало быть, была не стара — сорок с чем-то, считаю я нынче, но ее глодала чахотка, взятая в лагерях, и ее кашель сопровождал нашу жизнь... дом-призрак был инфицирован — соседка надрывалась везде: в своей комнате, в коридоре, на кухне, и все в доме считалось общим, но бабушка моя была гением карантина — дважды в день простой *дегтяркой* терла стены, полы, мыла туалет... кухня! кухня была особым местом, ведь это *коммунальная* кухня... бабушка кипятила чашки, тарелки, ложки, тщательно скоблила плиту, следила за мусором, бесконечно стирала что-то на стиральной доске, и руки ее были красны от нестерпимо горячей воды; в течение всей жизни нашего старинного дома ни одна палочка Коха не имела здесь ни единого шанса... боевая Прасковья, Паша, юная героиня Гражданской, любимица Махно и баловень военной судьбы, хранившая в потайном месте серванта доисторический *ремингтон*, никогда не гнушалась черной работы, она спасла всех, но старуха Еповская любила нашу семью и иной раз говорила с бабушкой, прикрывая рот белым платком, сквозь который, случалось, виден был едва тлеющий уголек крови; бабушка спокойно выслушивала ее, отвечала, а потом Еповская ныряла в свою каморку и выносила кусок свежего пирога: вот спекла, угостите внучка! — бабушка шептала: спасибо, брала, дождалась затвора Еповской, тайно несла угощение на двор, прихватив лопату с пожарной доски, и закапывала пирог поглубже — в крапиву и топинамбур, прямо в корни этих зеленых захватчиков! раз как-то, презрев надзор, я вышел из комнаты и в конце коридора увидел Еповскую — заметив меня, она сунула руку в карман халата, достала оттуда горсть конфет: поди, сынок, сказала она сипло и кашлянула, поди сюда... хочешь конфет? — я стоял и во все глаза смотрел на нее... она еще кхекнула и поманила пальцем, медленно-медленно, гипнотически двигаясь... я застыл: руки ее были смяты артритом и багровый палец гладил пространство, нежно приманивая меня... я смотрел с колотящимся сердцем, открыв рот, но вдруг осознал опасность, метнулся и кинулся прочь, с размаху врезавшись в бабушкин фартук... он пах корицей, ванилью и кардамоном, а из кухни сквозняк приносил запахи свежей сдобы... я схватил ноги бабушки... я пропал, бабушка! я пропал! и — заплакал; бабушка увела меня, взяла на руки, прижала к своей мягкой груди и долго еще качала в руках, словно годовалого малыша... спустя полгода Еповская ушла в лучший мир, ее схоронили, помянули, погоревали, а в сороковой день, под вечер бабушка, дедушка, папа и мама сели пить чай, уложив меня на кровать под ковриком с семейством оленей, и мирно пили, тихо шепчась; я дремал, глядя на них, и видел: круглый стол, накрытый скатертью, оранжевый абажур над ним, вазочка с вишенным джемом и обливные сушки в хрустальной сахарнице... я моргал, засыпая, и звяк мельхиора о дешевый фаянс, как нежный звон сказочного колокольца, будил меня... я смотрел, дремал и вдруг!.. дрема покинула меня, когда в комнату, приоткрыв

дверь, вошла трехцветная кошка — не из той стаи, которая обреталась под лестницей, там жили две серо-полосатые, одна черная и одна белая, как туберкулезный платок Еповской, — трехцветок в подъезде отродясь не бывало, а тут вошла трехцветка, и у нее были кривые лапы... искривленные лапы, как будто попавшие годы назад в жернова жизни; кошка стала перед столом... все замерли... бабушка посмотрела кошке в глаза и говорила потом, много позже, — она говорила мне: в глазах у трехцветки стояли слезы... я видел ту кошку еще лет двадцать спустя, когда ломали наш старый дом, — я узнал, что будут ломать и пришел во двор, заросший крапивой и топинамбуром, стал поодаль, а дом ломали, бухая по его стенам чугуном шаром, — дом держался и не хотел падать... гул стоял над районом, накрывая проспект, вокзал и Крестовский рынок, пыль плыла над двором... я смотрел... самоходный кран выл, выворачивая стрелу, и бульдозер, готовый к штурму, рычал, как лев, — я смотрел не в силах уйти, и тут... из крапивы и топинамбура вышла кошка, трехцветная кошка с кривыми лапами, она подошла ко мне, потерлась о ногу и вгляделась в дом... мы стояли, не шевелясь, смотрели, смотрели, смо-тре-ли, и сквозь грохот бульдозера я услышал: кошка вздохнула... а может, мне показалось... не знаю, что было в сердце кошки, но в моем было смятение... кошка была вечна, а судьба ее — предсказуема, ведь Еповская любила меня и, наверное, присматривала за мной из каких-то недостижимых, непостижимых далей: кошка приходила всегда, являлась в мой школьный класс, в мою военную часть, в мой институт, сидела у колыбели сына и у смертной постели мамы; если я пил и валялся в канаве, она садилась подле и трогала лапой мой битый лоб... а сейчас — вновь карантин, и я вспоминаю бабушку, гения карантина, героиню века, подхожу к окну, за окном — карантин, опять карантин! мир будто вымер, и я один в мире, не считая кошки, — дедушка с бабушкой давно лежат на Николо-Архангельском, бесчисленные палочки Коха, схороненные когда-то на крапивном погосте, истлели, а от дома, от нашего дорогого дома осталось только золотое облако пыли, висящее над моей судьбой всегда, всегда... и это было так, утверждаю, было именно так, но я уже ничего правильно не помню, а помню неправильно, потому что прошло много лет и мне сейчас много лет, я путаю улицы, путаю города и страны, виденные в скитаниях, но помню, пусть и неправильно, что дом-корабль, дом-призрак стоял на Крестовском, которого нынче, кажется, нет, — Первого Крестовского переуллка нет, а есть лишь Второй, и вот в Первый входили мы, одолев пустырь, с проспекта или шли от метро, втягиваясь в район имперских семиэтажек, сворачивали в проулок, а оттуда — в тупик, где стоял дом, косматый и дряхлый, уже накренившийся, источенный древесным жуком, сказочный, таинственный дом — в клочьях тумана, дождевых каплях, в зарослях влажной крапивы и дрожашего топинамбура...

Олег Корионов

Сирень

Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Иван Бунин

Ася на себя не похожа.

По утрам слова не вытянешь, а тут щебечет, словно шампанского выпила и рядом — любовник.

Дроли у нее нет. Но Ася его наметила.

В первую встречу, в июле, не повезло: она была с мужем. А сегодня, во сне, намиловались.

Она трогает губы подушечками пальцев. Отводит голову назад: щекотно.

Еще трогает. И хохочет:

— Наверстаем.

Попугай Невеличка копирует Асин хохот и выдает — с той же интонацией:

— Наверстаем.

Ася показывает Невеличке кулак:

— Не болтай лишнего.

...Будущий любовник живет в Поволжье, в том же городе, что и родители мужа.

Ася с Кешей навещали их летом.

В день отъезда прошлись по набережной. Обнялись с Волгой. Свернули на Ленинградскую, ленивую пешеходную улицу, где чего только нет — от памятника Дяде Степе до магазина «Ведьмино счастье».

В арке, напротив японского ресторана, продавали картины.

Асе приглянулась одна: сирень развалилась в берестяном коробе — на подоконнике открытого окна.

Света — море разлитое. Казалось, вся мастерская художника — стена с окошком. Ася даже подумала, что ради картины он снес три стены и крышу.

Усмехнулась: «Ага, разбежался. Нет никакой мастерской. Лишь угол в хрущевке. Его достала темнота, вот и позвал солнце, искупал в лучах сирень и сотворил нежные, как у Грабаря, краски».

Муж втянул воздух носом. Выдохнул через рот. Сравнил «Сирень» с кислородной подушкой. И спросил:

— Сколько?

Художник ответил. Кеша поскуучнел.

Ася заметила: у живописца круглые, как у филина, глаза.

Взгляд острый.

Суховат — в отличие от мужа.

Лет на десять старше ее: виски — с сединой.

Корионов Олег Анатольевич родился в 1960 году на Урале (г. Красновишерск). Вырос в Самаре. Окончил факультет журналистики МГУ им.М.В.Ломоносова. Работал на заводе, в редакциях областной, отраслевой и центральной газет, а также в коммуникационных агентствах и государственной концертной организации. Печатался в журналах «Знамя», «Урал». Живет в Москве. Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 8.

Она раздумывала, хорошо это или нет. И вдруг столкнулась взглядом с художником. Замерла. Не могла даже моргнуть. А он тем временем впитывал каждую ее черточку.

Кеша не хотел брать картину в дорогу:

— Слишком большая.

Ася вздрогнула. Словно волшебная палочка вывела ее из оцепенения.

Взглянула на мужа:

— Что?

— Я говорю: слишком большая.

Она улыбнулась и настояла на покупке.

Кеша поторговался. Получил скидку: две тысячи рублей.

Филин, продолжая пялиться на Асю, упаковал картину. Сделал из скотча ручку, чтобы удобнее было нести.

...На вокзале «Сирень» застряла в камере, где просвечивали поклажу.

Ася попыталась вытащить картину. Не вышло.

Помог милиционер.

Она испугалась: «Вдруг облучилась?»

Отчитала мужа.

...Всю дорогу шел дождь.

Ася боялась, что ливень затопит рельсы и поезд полетит под откос.

Солнечная сирень, спрятанная под картоном, отдыхала на третьей полке.

На второй храпел муж. На первой, поджав ноги, сидела она.

В Подмоскowie их ждал Невеличка. Он ненавидел клетку. Дома всегда летал, где хотел. Но Асины подруга, которой доверили заботу о птичке, не желала заморачиваться. Ни крик «Свобода попугаю!», ни сдавленный шепот «Пусти, падла!» не действовали на нее. Невеличка устал бороться. Сидел в клетке, укрытый платком, и плакал, как Ася.

...На Казанском вокзале Кеша убедил охранников сканировать «Сирень» как ручную кладь.

Супруги нырнули в метро. Затем долго ехали на электричке и в маршрутке. Картина простояла в гардеробной два месяца: «безрукий» Кеша все тянул с вызовом «мужа на час».

Наконец полотно повесили в прихожей, напротив зеркала.

Стало светло. И даже пахло сиренью.

Ася купила банкетку. Садилась на нее и любовалась «Сиренью». Называла прихожую музеем одной картины.

Невеличка к полотну отнесся прохладно, а рама ему нравилась.

Когда попугаю надоедало Асино любование природой, он кричал: «Кончай бодягу!»

Ася вздрагивала и говорила:

— Ничего ты не понимаешь.

Так бы и продолжалось, если б однажды она не проснулась со вкусом поцелуя на губах.

...Во сне художник оказался отменным любовником.

Ася убедила себя: «Наяву еще лучше». Стала думать, как встретиться с дролей.

Кеша диву давался: «Что с ней?»

Не найдя ответа, решил: «Наверно, гормоны».

Попугай летал по квартире и ехидно приговаривал:

— Быть добру!

...Ася уходила на работу первой: занятия в школе начинались в половине девятого.

Она постояла перед зеркалом. Чуть отступила и ловко накинула на плечи платок. Тяжелые кисти ударили по сирени.

Невеличка, сидевший на раме, вскрикнул. Вспорхнул и вернулся на место.

Ася сняла платок. Вновь резко накинула на плечи. Кисти хлестнули по цветкам. Попугай от греха подальше перелетел на вешалку. Ей захотелось послать к черту школу, отправить мужа в магазин или куда там еще, отыскать на картине цветок с шестью лепестками, вырезать и съесть его. Подумала: «Кеша заметит». Подразнила мужа ямочками на щеках. Погрозила пальчиком, когда он потянулся к ней. Деловито чмокнула Кешу в нос и выпорхнула за дверь. Муж вздохнул, вместе с ним и Невеличка. ...В мае Асин свекор нашел арку с картинами. Вычислил по описанию художника и сообщил: «Сирень посыпалась». Тот опешил: никогда такого не было. Едва не ляпнул: «Наверно, воду не меняли». Вспомнил покупателей: смазливую бабенку и мужа-зануду. «Баба пойдет... А мужик душу выест за каждую метелку». Свекор передал просьбу: «Приехать и отреставрировать». Художник посмотрел на него исподлобья: — Сами пусть едут. Потер друг о дружку подушечки большого и указательного пальцев: — «Любой каприз за Ваши деньги», — и подытожил. — Хочет — реставрирую, а хочет — новую напишу. ...Ася продолжала бомбить сирень кистями платка. Муж любовался ею и ничего не замечал. Невеличка летал грустный и сетовал: — Печалька... ...Она еле дождалась каникул. Укатила с картиной, на реставрацию, в Поволжье. Кеша скулил: не дождалась его отпуска. Когда приехал, узнал: жена уже неделю как съехала от его родителей. Бросился на Ленинградскую и увидел Асю — на лугу, с венком из ромашек. Зарычал на художника. Тот не испугался рогатого мужа. Кивнул на портрет: — Будете брать? У Кеши лицо пошло пятнами. Сжал кулаки и... побрел в ресторан заливать беду коньяком. ...Без картины прихожая пожухла. Он не знал, что делать с шурупом. Пробовал выдернуть — тот намертво вцепился в дюбель. Кеша маялся. Прислушивался к шагам в тамбуре: «Она?» Как-то перебрал. Написал фломастером на стене, под шурупом, бранное слово. Пришлось спрятать ругательство под календарь. Шел год Крысы. Твари — на каждой странице. Кеша опасался смотреть в зеркало: а вдруг крыса прыгнет на плечо и вцепится в шею? ...Невеличка почти не залетал в прихожую. Сидел на этажерке и горевал. ...Чтобы отомстить жене, Кеша переспал с ее подругой. Она вела себя странно. Убеждала, что Ася хорошая: — Вот увидишь: вернется, и все будет отлично. Заплакала. Острые плечи подпрыгивали. Невеличка буркнул: — Не болтай лишнее. Кеше не жаль было подругу. А себя — очень. Забубнил:

«...Мне крикнуть хотелось вослед:
"Воротись, я сроднился с тобой!"
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой».

Подруга спросила:
— Это ты написал?

Он вздохнул:
— В 1903-м.

И перепрыгнул с Бунинских стрóf на свои:

«Прохожий, похожий на дерево кожей,
Сверните с дороги. Разденьтесь в прихожей.
Войдите в прекраснейший зал.
Попробуйте сразу роскошную фразу,
Которую кто-то сказал».

Подруга захлопала:

— А это когда?
— В 2003-м.

Невеличка презрительно взглянул на нее. И продекламировал:

— «Камин затоплю, буду пить...»

Подруга громко смеялась. Кеша отвернулся.

...Ася вернулась в августе с побитым видом и новой «Сиренью».

Эта сирень знавала лучшие дни. Казалось, она скажет: «Я гибну». И зарыдает.

Как и первая картина, она притягивала к себе как магнит.

Правда, Асе больше нравилось солнце. Но и ненастье ее Мефистофель написал мастерски.

...В семье разладилось. Все было плохо, а стало еще хуже: на дне рождения Невеличка сел на плечо Асиной подруге и точь-в-точь ее голосом прошептал:

— Кеша, иди ко мне.

Подруга отомстила: пока супруги выясняли отношения, открыла на кухне окно и выпустила попугая.

Засобиралась:

— Мне пора.

...Свобода опьянила Невеличку.

«Какой прекрасный мир!»

Он летел вдоль улицы. Примостился на ветку тополя — напротив торгового центра, чтобы отдышаться и обдумать, что делать дальше.

Городской ястреб заметил зеленый комок на дереве и сцапал ничего не подозревавшего попугая. Тот даже не успел пошутить: «Естественный отбор». Впрочем, он и не знал таких слов. Раньше они ему были не нужны.

...Ася уволилась из школы и уехала к художнику.

Кеша запил.

Долго приходил в себя.

И купил собаку.

Леонид Бахнов

Ура

Оптимистическая трагедия

Чёрный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жильё человечье
И как будто тоскуешь со мной?

Иван Бунин

Странные они ребята, эти писатели, художники, барды со смычком — друзья моего бородатого. Да и он сам — та еще штука. Глядит на меня, глядит, а потом как вскочит — и ну шастать. Поэт. И еще эту длинную, вонючую в пасть вставит, пошел дымить. Потом снова сядет. Сидит, бормочет, гадость выдыхает, иной раз хоть улетай, прячься.

А еще с ним такая, ну... Бороды нет, а сверху не пойми что. Много. Кустом. Ветки попрятались, пахнет — вырви глаз. Мне сначала даже понравилось, подлетел — ой! Отрава, с крыл валит. Кому-то, может, и самый смак, но шмеля на мякине не проведешь!

И вот они, значит, сидят за столом на участке. И как они могут столько глотать такого невкусного?

Большие.

Одна радость: посередине стола такая здоровая, прозрачная, со свежей вкуснятиной. Они пока тупо своим занимаются, я по этой вкуснятине жужжу и лакоплюсь. Кайфую, не оторвешься. Хоть на меня некоторые и руками машут, и прямо прихлопнуть готовы.

— Да вы не бойтесь, это же шмель! — говорит мой бородатый. — А шмели не кусаются.

Только вы не подумайте, будто меня кроме набить брюхо ничего не интересует, такие заявки — типичный поклев на нашего брата, обидно слушать.

Вот мой бородатый вдруг взял и с этой, как ее, удалился. Они сидят, а он в дом прошел. И вслед за ним эта. То есть, нет, это сперва она в дом прошла, а он вслед за ней удалился.

А я — за ними. Мне же интересно на сытый желудок!

Ну пошастал себе по стенам, по потолку, прилег на что-то. Это пока они шебаршат там. А они шебаршат-шебаршат, а потом на меня что-то ка-ак хряснется!

Едва отбился.

Честью клянусь — никакого криминала! Исключительно в целях самообороны. На рефлекторном же, говорю, уровне.

А оно как заорет!

Но я еще прежде понял, что оно — это она и есть. Визжит, слезами пуляет, изогнулась вся, чтобы заглянуть туда, куда ни один глаз не достигнет. Бородатого моего на подмогу зовет.

Бахнов Леонид Владленович — прозаик, критик, редактор. Родился в 1948 г. в Москве. Автор журналов «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир» и др. Член Союза писателей Москвы и Ассоциации «Свободное слово». Живет в Москве. Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 10.

— Пчела, — кричит, — пчела! — А потом: — Оса!

Ну он ее, значит, книзу пузом кладет, свет зажигает, всматривается.

— Ничего не понимаю! — говорит. — Укус вижу, а жала нет. Что за пчела такая?

— Значит, не пчела! И не оса! Этот твой шмель проклятый!

— Не может такого быть! Шмели не кусаются, я же говорил, — а сам все жало ищет.

А ведь мы действительно не кусаемся. Ну, если только припечет. Как сейчас.

В целях самообороны. И тут же жало прячем, оно у нас не казенное.

В общем, то-сё, пятое-десятое, с милым браниться — только тешиться. Успокоились. Ну, думаю, пронесло. Совет вам, голубки, да любовь. Перенервничал я, дай, думаю, опять отдохну.

И только прилег — опять на меня: хрясь! И прямо тем же голым местом. Аккурат на мой рефлекторный уровень.

И снова орать.

Вот только не клеветайте на нас, мы люди с совестью. Оружие свое холодное я хоть убрал, но жалко мне ее стало. Даже с учетом самообороны. Все-таки не Чикатило какой-то. Присел к ней на коленку, стал лапками щекотать, чтобы развеселилась. Думаю, сейчас засмеется. А вместо этого бородатый как хлоп ее по коленке! С оттяжкой.

И все... Не успел бедный шмель сконцентрироваться.

Но вы, вообще-то, не думайте. Шмелем больше там, шмелем меньше...

Все равно всех не перебьете! И память нашу роевую не уничтожите.

Нас много, и мы в тельняшках!

Хоть и не все это понимают.

Ура.

Игорь Корниенко

Птицарыбагор

(Третий чемодан)

Есть амулет, подобный вещи птице,
Есть тайный знак, и этот знак — Судьба.

Иван Бунин

Ночь оживала неведомыми звуками: у-уэ-у, — печальней этого маленький Илюша ничего не слышал в свои семь лет:

— Ой, ба, вот снова опять, что же это за зов-то такой?

— Судьба твоя тебя зовет, — проворчит недовольно бабушка, и ни слова больше о полуночных криках с горы, сколько ни просил внук, сколько ни умолял. Табу на тему песен в ночи.

Корниенко Игорь Николаевич — прозаик, драматург, художник. Родился в 1978 году в Баку. Лауреат премии В.П.Астафьева (2006), премии «Золотое перо Руси» (2005), специального приза жюри международного драматургического конкурса «Премьера 2010», лауреат литературного конкурса им. Игнатия Рождественского (2016), лауреат Шукшинской литературной премии (2019). Живет в Ангарске. Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 6.

Песней называл околдовывающие завывания папа:

— Птицарыбагор поет, — говорил отец, — диво-дивное, слепая, бескрылая Птицарыба без хвоста, плавников и жабр, с одним лишь длинным горлом, аспидно-зеленого цвета, им она и выдает такие душераздирающие фуги...

Только вот и разговоры об отце теперь под запретом.

— Может, так птица какая поет, или зверь добычу приманивает, человек ли стонет, жизнь свою несложившуюся оплакивает, кто знает, никому не ведомо, — успокаивала всякий раз разыгравшееся воображение Илюши мать.

Не унимается Илюша, ворочается в жарких объятьях одеяла, сопротивляется липкому приставучему сну, да и как тут уснуть, когда этот тоскливый плач слышен даже с закрытым окном: у-уэ-у...

— Тогда это волшебная Жар-птица. — Мальчик поборол огнедышащую подушку, забрался на нее победителем, оперся локтями, а руки сплошь в крапинку: зеленка да йод разукрасили царапины от шиповника, кота Васьки, и комариные укусы. — А если зверь, то чудо-зверь трехглавый, что сокровища или вход в райский сад охраняет, — хлопнул ладошками Илюша себя по впалой груди. — Ну а если человек это плачет, так оборотень он, не желающий становиться волком! Вот кто!

Вздыхает матушка:

— И откуда эти выдумки в тебе? Фантазер ты наш.

А про себя добавляет: выдумщиком отец твой разве что был, да только все в дурное, придумки его все от бутылки да спьяну. Так и сгинул.

Сыну же, вслух, вытаскивая из-под мальчишки непослушное одеяло:

— Спи давай, Люша, подрастешь, разознаешь, что за чудо у нас в горах обитает.

Забирается в мягкое чрево кровати Илюша, ворчит, в точности отец, недовольный, что не по-его выходит:

— Чудо-юдо Птицарыбагор, — шепчет, — слепая и без крыльев, без хвоста, плавников и жабр, аспидно-зеленого цвета, а грустно так поет, что не верит в нее никто. — Демонстративно обиженно отвернулся к стене, накрылся подушкой и мгновенье спустя завыл, вторя вою в ночи: — У-уэ-у...

Незаметно звук из ночи перебрался в утро, и тихим знойным днем, теперь и в синих осенних сумерках Илюша слышал зов.

— Зов это, а никакая не песня, — делится с единственным другом двенадцатилетний Илья. — Отец тут ошибся. Это и не плач, чтобы мама там ни говорила. Бабуля права, судьбы то призыв.

Друг-одногодка говорит:

— Так иди на зов! Посмотри, что там?

Не может Илья, слово бабуле дал, и чтобы не совал нос свой на гору, бабушка каждое утро платит внуку.

— Мзду, — шутит старушка. — Взятка от судьбы, от неминуемого до поры до времени, а потом все само случится. От жизни не убежишь!..

Во снах Илья уже не раз забирался на гору в поисках источника зова, но снова и снова вместо Птицарыбы находил: удочку, портфель, наждак, рубашку в синюю клетку, кирзачи... Вещи, оставшиеся от отца после исчезновения, те, что бабушка с мамой прячут в подвале в двух чемоданах.

Маленьким Илья часто и смело спрашивал у мамы:

— От чего папа умер?

На это мама, иногда резко, но чаще с дрожью слез в голосе, отвечала:

— Пить меньше надо было. Ведь все, и жизнь свою, в бутылку загнал.

Маленьким Илья думал, отец ушел в горы и пропал, сейчас знает, родитель сорвался со скалы «будучи навеселе», как выразился бы он сам.

Маленьким Илья ждал возвращения отца, возвращения сказки, страшных

историй: «байки» — называл свои истории отец, и знал он этих самых баек «в жизнь не переслушать». Теперь Илья ждет удобного случая, не причиняя никому обид и боли, подняться в гору, возвышающуюся над домом верблюжьим горбом, в поисках ответов...

— Вдруг найдешь эту Птицарыбу, а она и правда какая-то необыкновенная, волшебная, — фантазировал друг. — Перо, может, у нее чудодейственное, или она клад какой стережет... Так станешь богатым, уедешь из этой дыры, прославишься!.. Да и рыба в перьях, это же сенсация, ей место в Красной книге, в Гиннесе...

— Рыба в перьях, — улыбка до ушей. — Отец говорил, найти Птицарыбу — это найти себя, свое место на Земле, предназначение...

— Это чудо из чудес — быть самим собой, — отцовский голос оживает в голове сына, — быть в ладах с самим собой и с миром... Принять этот мир таким, какой он есть, принять себя в этом мире. И заруби себе в память, и на сердце заруби, сын, жизнь — это и есть чудо, каждый день чудо. Жить надо завтрашним чудом, потому что сегодняшний день — уже чудо!

— Вот и начудил отец, исчез, словно не было.

Илье четырнадцать, наступило утро, когда бабуля вместо денег вложила в ладонь внука маленький серебристый ключик.

— Я знал, что папка что-то мне оставил!..

Наследство отца, два чемодана старых вещей и кусок альбомного листа с картой, где обитает Птицарыбагор, — самый дорогой подарок — не верит Илья глазам, сердце выскакивает из груди, и зов в ушах становится песней...

Бабуля перекрестила, мама обняла: «Давай не долго», — сказала.

Солнце прыгает над головой в такт пружинистому шагу Ильи, Илья боится, оттолкнись сильнее, взлетит и без крыльев, взмоет ввысь, в небесную синь, от воздуха, что пьянит, и невесомости, образовавшейся внутри от предвкушения встречи с чудом.

— Это состояние счастьем зовется, — смеется мальчик в голос звонко и взлетает...

Не по карте шел, шел по зову «у-уэ-у», не шел, летел, ноги едва касались скалистой земли с редкими островками жесткой, колючей травы. Ближе к вершине в небо взмыли пики скал, тропинка петляла между монолитных камнетесов, а потом и вовсе исчезла.

— У-уэ-у... — зовет вперед, скорей, смелей... выше!.. — У-уэ-у...

Однажды папа взял его, малыша, с собой, показать грот в Вечную страну, и все, что было вокруг тогда, для Ильи вдруг прекратило свое существование, был лишь грот, каменная улыбка у подножья скалы, ведущая внутрь, к сердцу горы, и дальше, в страну, где никто не умирает.

Увидев эту каменную улыбку сейчас, Илья вскрикнул, и крик этот был из глубин его большого и чистого мальчишечьего сердца:

— У-уэ-у! — потерявшись во времени, он снова стал мальчиком Илюшей, верующим в папины байки и в волшебный грот, и что Птицарыбагор прячется там, в Вечной стране, по ночам распевая свои печальные песни одиночества и тоски...

— У-уэ-у...

Илья вернулся в реальность, звук действительно шел из грота, из сердца горы, стихал и возникал вновь, вблизи он казался естественным, привычным... Так шумят ветер, морские волны, зеленая листва...

Не мешкая, словно боясь упустить зов, Илья встал на четвереньки, заглянул в грот, и вот оно, чудо Птицарыбагор, нос к носу, вместе с запахом детства: арбузной корки и папиного чемодана...

На первом каменном выступе, в расщелине: длинное, обломанное горлышко от бутылки, заботливо, чтобы не треснуло, не разбилось, обложено, запечатано глиной.

грот, и вот оно, чудо Птицарыбагор, нос к носу, вместе с запахом детства: арбузной корки и папиного чемодана...

На первом каменном выступе, в расщелине: длинное, обломанное горлышко от бутылки, заботливо, чтобы не треснуло, не разбилось, обложено, запечатано глиной. На глине навечно остались отпечатки пальцев, Илья знает, чьи это отпечатки. А ветер, забредающий в темные, сырые стены подземелья, — он истинный исполнитель печального протяжного — у-уэ-у — зова.

Засмеялся Илья, упал на спину, тут и увидел всю картину целиком.

На потолке грота, помимо чуда Птицарыбы, у которой горлышко бутылки вместо клюва, нацарапаны послания из прошлого, весточка от отца, много коротких разрывающих сердце фраз: «Папа + Илья = друзья навсегда!», «Верь в чудо и чуди сам!», «Здесь был папа!», «Птицарыбагор всегда рядом!», «Береги маму и бабулю, они твоя вечность!», «Ты — вечность!», «Ты — Вечная страна!», «Фантазируй, мечтай, сочини — живи!»

Еще Илья успел увидеть — «Прости!» и «Твой никудышный отец», и слезы закрыли глаза.

В окружении папиного наследия. В третьем чемодане. В объятьях отца.

— Папа, — всхлипнул сын, и ветер подхватил слово. Ветер унес его в глубину бесконечного грота — в Вечную страну, где никто не умирает, где отец все эти годы ждал, звал, верил... и вскоре вернулся с ответом.

— У-уэ-у, — выдуло аспидно-зеленое горлышко Птицарыбы, — у-уэ-у...

— Я тебя слышу папа. Слышу! Я здесь! — закричал Илья, а перед глазами зашевелились нацарапанные буквы, ожила чудо-юдо Птицарыбагор...

И вновь ветер-почтальон умчал послание сына в неизвестность, и снова возвратился с ответом:

— Я здесь! — услышал Илья, засмеялся сквозь слезы и грохот сердца, перебивая восторженный, победный крик ожившего чуда — у-уэ-у!..

— Я здесь!..

Елена Долгопят

Сон

Кошка в крапиве за домом жила.
Дом обветшалый молчал, как могила.
Кошка в него по ночам приходила
И замирала напротив стола.
.....
Тёмен теперь этот дом по ночам.

Иван Бунин

Случайная знакомая. На танцах. Бабка сказала бы: на танцульках.

Долгопят Елена Олеговна — прозаик, кинодраматург. Родилась в городе Муром Владимирской области в семье военнослужащего и учительницы. Окончила Московский институт инженеров транспорта (1986), сценарный факультет ВГИКа (1993). Автор книг прозы, в т.ч. «Родина» (М., 2016), «Русское» (М., 2018). Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир». Постоянный автор журнала. Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 1.

— Да я не умею, — сказал он.

Или не сказал. Подумал сказать и не сумел.

Медленный танец завели. Мееседлееенный. Белый. Дамы приглашают. Дама пригласила.

Он обнял ее за талию.

— Да я не умею, — повторил.

Они и не танцевали. Топтались на месте, обнявшись. Она была высокой, с него ростом. Ерошила взмокшие волосы у него на затылке. Трогала языком мочку уха.

— Поехали ко мне, — он просипел.

У Витьки была собственная квартира, бабкино наследство.

— Даже ехать не надо. Пешком тут. Рядом.

Привел. Она разделась. Все бросила на пол — одежду, сумочку. Он смотрел. Смотрел на нее. Смеялся. Как будто выпил чего-то веселящего. Или духи у нее были веселящие. Или взгляд. Или зубы. Белые, крепкие.

Уснули в обнимку на бабкином диване.

Под утро Витька замерз, проснулся. Один. Запах ее таял. Только уже не веселил.

Он хотел ее крикнуть, но имени не вспомнил. Да и не спрашивал он вчера ее имя.

Встал, поплелся на кухню. Темно.

— Эй.

Нет никого. Ни на кухне. Ни в ванной. Ни в прихожей. Он свет везде зажег. Нет. Исчезла.

Что за диво? Как? Дверь заперта. Изнутри заперта. На цепочку. Это у него с детства вошло в привычку, бабка напугала когда-то до полусмерти, не время рассказывать.

Как же так? Куда она провалилась, в какую щель?

Бумажник бросился проверять. В куртке бумажник. Все на месте: деньги, карточки.

Да была ли она? Не сон ли видел?

Но запах. Запах ее он все еще чувствовал. Прохладный и сладкий одновременно. Ванильный.

Отворил дверь — посмотреть, что там на площадке. А ничего. И вдруг из-под Витькиных ног выпрыгнула из прихожей на площадку черная кошка. Охнуть не успел.

Сгинула. Куда, как, не уследил.

Да откуда она взялась-то, в квартире? Как попала? Где хоронилась? Черная. Вот так да. У него. Кошка! Да у него сроду кошек не было.

Отработал он смену. Ребята в пивную звали, отказался, отговорился делами. Притащился в парк.

Площадка. Музыка из колонок. Народ топчется. Сумерки. Перемигиваются цветные огни.

Витька встал на прежнем месте. Смотрел на девчонок. Ни одна не нравилась.

Ее он не увидел, носом почуял. Прохладный и сладкий ее запах.

Подошла. Руку ему положила на плечо.

— Ты, — он сказал.

Она поцеловала его в губы, язык протолкнула в рот, едва не задохнулся. Отстранился, посмотрел в глаза. Золотые глаза.

Взял ее за руку и повел. Ни о чем не спрашивал. Ему все равно было в этот миг, кто она, что.

На этот раз Витька увидел, как она уснула, не пропустил. Слушал ее дыхание. Любовался. Хотел погладить смуглую руку, но испугался разбудить. Сам засыпать не собирался, ни за что.

Очнулся в тишине. В предутреннем неподвижном свете. Один.

Встал, как умел, тихо. Босиком прокрался на кухню. Кошка сидела у газовой плиты, черная, как ночь. Мерцала желтыми глазами.

— Ты? — вымолвил Витька. — Ты зачем?

Кошка скользнула мимо. Витька бросился следом. В прихожую, к двери.

— Что? Открыть тебе?

Снял цепочку. Повернул замок. Взялся за ручку. Помедлил.

Она посмотрела на него.

Неподвижные желтые глаза.

Он не посмел послушаться, открыл.

Ходил по квартире, нюхал воздух. Сладкий и холодный.

Парк. Музыка. Танцы. Цветные огни.

Витька простоял у площадки до глухой ночи. Пока все не разошлись, пока не погасли огни, пока не полил дождь. Не пришла, не пришла, не пришла.

Он побрел домой. Вымок. Продрог. Встал под горячий душ. Плакал. Уснуть не мог. Ворочался, вставал, мотался по квартире, выходил на площадку.

Ничего. Никого.

Через три дня он увидел ее на остановке. Автобус уже трогался. Витька завопил:

— Стой! Стой! Пусти!

Выскочил. Нет. Не она. Обознался. Чуть не взвыл.

Дни стояли темные, снег уже не таял. Но Витька все приходил и приходил вечерами к обледенелой площадке в безлюдном парке. Горели редкие фонари. Их свет казался давним, дальним, уже не существующим. Витька стоял, мерз, молил: приди, приди, мне без тебя беда, мне без тебя не жизнь, мне без тебя никак. Гадина, мразь, тварь! Приди!

Пахло уже Новым годом, люди тащили в дома елки, апельсины, стеклянные шары. Витька поскуачивал. Смотрел мимо знакомых, не здоровался. Кассирша в столовке спросила: «Не заболел? Сдачу-то возьми».

В этот раз он заплутал. Простоял у площадки до самой ночи, побрел к дому, забылся, очнулся в незнакомом месте. Все одноэтажные дома да глухие заборы. Собаки за ними ходят, цепями погромыхивают. Рычат. Голоса подают. Перекликаются.

Витька повернул назад. Шел, шел и уперся в тупик, в гараж. Посмотрел на железную стену и ударил в нее кулаком. Стена загудела. Бам-мм! Бам-мм!

— Милицию вызвать?! — крикнули. Бог его знает кто. Бог его знает откуда.

В забегаловке у остановки взял бутылку водки. Пока добрал до дома, всю выпил. Оставил порожнюю бутылку возле подъезда. Открыл дверь и обернулся посмотреть на нее. Бутылка казалась наполненной тихим светом. Отбрасывала прозрачную тень. Ее стало жаль, как живую.

Не сразу попал ключом в замочную скважину, повернул ключ, отворил дверь. Кошка прыгнула в дом вперед него. Витька вскрикнул. Ринулся за ней.

Она сидела на кухне. Нога на ногу. Она. Любимая.

— Ты, ты.

Он упал перед ней на колени.

Просил:

— Не уходи.

Просил:

— Не бросай меня.

Он не мог привыкнуть к своему счастью. К тому, что она — у него. Готовит. Стирает и гладит. Скуачивает. Ждет. Любит.

Кассирша в столовке заметила: «Похорошел».

Он не отвечал. Улыбался.

Он больше не видел ее кошкой. Лишь представлял иногда. Она варит бульон,

протирает пыль. Кошкой вспрыгивает на подоконник. Смотрит в окно. Представлял, но не видел. Не показывалась.

Из дома она выходила. В магазин. Или с ним прогуляться. Вечером, в сумерках. Рука об руку.

Он был счастлив. Он был полон.

Год прошел безмятежно.

Декабрь пришел ледяной, скользкий. Сотрудница упала возле работы, подвернула ногу. Еле доковыляла. Села за компьютер. Неловкая, полная, в толстых очках. Он ее пожалел. Принес кофе. Посмотрел на распухшую коленку. Отвез в травмпункт, проводил до дома. Комната в коммунальной квартире. Спертый воздух. Узкая девическая постель.

— Я бы угостила вас чаем.

— Сними очки.

Снял сам. Влажные глаза. Светлые детские ресницы.

Поцеловал ее.

— У меня еще никогда. Ни с кем.

— Не бойся.

Она дрожала.

Зачем? Почему? Он не знал.

К себе вернулся под утро. Жена спала безмятежно. Витька тихо лег рядом. Вдохнул ее запах. Прохладный. И сладкий.

Его обнаружили мертвым. В постели. В собственном доме. Уснувшим навеки. С острым ножом в груди. Рядом сидела кошка. Светила глазами.

Мария Ануфриева

Оборотень

...Осенний вечер, тучи нагоняя,
Открыл в кустах звериные лазы,
Листвой засыпал доли и овраги,
И по ночам в их чёрной темноте,
Под шум деревьев, свечками мерцают,
Таинственно блуждая, волчьи очи...

Иван Бунин

Все дома в деревне Горнее Шелтозеро носят имена хозяев, а сама деревня по-вепски называется Сюрьгой. Я стою на пригорке у дома Рассказовых. Днем отсюда хорошо видно зарастающее осокой озеро Кодъярви, поля вокруг деревни, каемку леса и одинокий двухэтажный дом на Сорокиной горе, выкрашенный синей краской, к которому ведет огибающая озеро дорога. Я назвала бы это местечко хутором, но так не принято.

Ануфриева Мария Борисовна родилась в 1977 году в Петрозаводске. Окончила факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Постоянный автор «Дружбы народов». Печаталась в журналах «Знамя», «Урал». Роман «Доктор X и его дети» («ДН», 2017, № 7) стал лауреатом литературной премии им.Н.В.Гоголя (2018).

Живет в Санкт-Петербурге. Предыдущая публикация в журнале — 2020, № 5.

Мы приехали в эти глухие места на родину отца за грибами и ягодами. В детстве проводила тут лето, а теперь на Сюрьге остались несколько жилых домов, и ее тоже можно было бы называть хутором до тех пор, пока не опустеет, как многие деревни вокруг.

С Сорокиной горы раздается протяжный вой. Сначала одинокий, но тут же ему отвечает второй, третий, и вот уже вой несется со всех сторон и поднимается в непроглядной сентябрьской ночи к звездам.

— Волки, — охает тетка.

— Да собаки это, — успокаиваю ее. — Помнишь, как мы с тобой бежали от волков, а потом над нами все деревенские смеялись, потому что это Дружок местный был.

— Нет, волки. Недаром я тебе всегда до Сорокиной горы ходить запрешала!

Конечно, я никогда не рассказывала ей, что отлично знаю дорогу к невидимому в темноте дому на том берегу озера, куда ходить было запрещено.

Однажды летом к соседям приехали родственники с ватагой детей. Мы быстро сдружились и вместе слонялись по округе, придумывая себе развлечения: сходить на погост к разрушенной церкви, забраться там в подвал или пробежать под осыпающимися сводами, залезть на пригорок у рассказовского дома, выследить земляную пчелу, когда она ползет в свою норку и законопатить ей выход, тайком от бабок пробраться в клеть и найти там сокровища — коровий череп или шкурки животных, распугав летучих мышей, спящих под крышей.

Вечером забирались в баню и в темноте рассказывали страшилки про черную руку и оборотней, которым даже не надо кусать людей, одного прикосновения достаточно, чтобы тоже превратиться в оборотня.

Маленькое окошко выходило на озеро, в него был виден дом на Сорокиной горе, с наступлением сумерек там зажигался свет. Всегда только в одном окне на втором этаже.

Идея сходить и посмотреть, кто живет на отшибе, принадлежала Надьке. Она была на два года старше меня и верховодила. Мы решили, что живут там оборотни, которым даже свет не нужен, а единственное окно горит для того, чтобы ночью было виднее, куда возвращаться, после того как обойдут все окрестные деревни.

На следующий день мы сидели в кустах у дома. Он действительно сильно отличался от бревенчатых темных основательных вепских домов, многим из которых больше ста лет. Доштатый, несуразно высокий, да еще и голубого цвета. В тот раз так никого и не увидели, а вечером свет опять горел.

Только на третий раз поход увенчался успехом. На крыльцо вышла высокая, худая женщина в выцветшей длинной юбке и застегнутой шерстяной кофте — это летом-то! Посмотрела по сторонам, замерла, словно принюхиваясь. Поправила собранные в пучок волосы и пошла к сараю, над входом в который был прибит череп коровы или лошади, судя по вытянутой морде. Пустые глазницы смотрели прямо на нас. Только оборотень мог мерзнуть на солнце и так украсить свои владения.

От волнения брата Надьки, пока сидели в засаде, объели полкуста еще неспелой красной смородины. Она ругалась на них всю обратную дорогу и грозила, что теперь и они могут стать нечистой силой, ведь ясно, что у оборотня и ягоды — заколдованные, волчьи. Братья ревели и жаловались, что у них и впрямь разболелись животы.

Но на следующий день мы опять пошли на Сорокину гору. Вскоре уже знали, что женщина жила одна, даже собаку не держала, потому что собака — друг человека, а не оборотня, а вот пара тощих котов, замеченных возле дома, выглядели вполне ей под стать. Странно, что она никогда не ходила через Сюрьгу, а ведь дорога в большую деревню Шелтозеро, где работали магазины, почта и аптека, была одна.

— Выходите уже, хватит там сидеть, будто я вас не вижу! — крикнула она, не оборачиваясь и даже не разгибая спины, когда окучивала тяпкой клубнику.

— Мы просто мимо проходили! — нашлась Надька.

— Да вы тут уже который день мимо проходите. — Она оторвалась от грядок и пошла к нам, вытирая руки о передник. — И смородину вон всю поели, зеленую еще! Как ужаленные, выскочили мы из кустов и бросились к дороге.

— Вам что надо-то? — крикнула она нам вслед.

— Оборотень! — первым завопил самый младший из братьев, обернулся и зачем-то показал ей фигу.

— Оборотень! Оборотень! — подхватили трое других.

— Дураки, — ругала их Надька, когда мы поняли, что никто за нами не гонится, и перешли на шаг. — Теперь она знает, что мы ее раскрыли, придет ночью и передушит поодиночке.

Она многозначительно посмотрела на меня, ведь это я спала одна в комнате, пусть и смежной. Несколько ночей мне мерещилось, что кто-то скребет рукой снаружи по стене дома, скрипят половицы. В соседней комнате ворочалась на железной кровати бабушка, и неизвестно, хорошо ли она закрыла на шеколду дверь в сених, когда выходила в уборную. Время шло, оборотень не приходил, и страх притупился.

Как-то бабушке потребовалось купить продукты, и мы отправились пешком в то самое Шелтозеро за шесть километров от Сьюрги. Автобусного сообщения между деревнями не было, автолавка приезжала раз в неделю.

В магазине я уговорила бабушку купить эклер и тут же съела. Жирная кремовая начинка подтаяла на жаре и пачкала пальцы.

К вечеру у меня разболелся живот так, будто одна армия шла в бой на другую, колола штыками и выворачивала кишки. Бабушка причитала, дед ругал ее за эклер, испортившийся на жаре. Телефона в деревне не было, машины тоже — отец должен был приехать из города только к выходным. Вызванная на консилиум соседка сказала:

— До Левтины сходить надо.

«Никогда больше не буду есть эклеры, пусть только я поправлюсь», — просила я у иконы на стене. Темный лик святого смотрел скорбно, сурово, и вряд ли мне верил, потому что обещано ему уже было немало.

Я задремала, а когда открыла глаза, чуть не закричала от ужаса. Надо мной стояла женщина-оборотень.

— Опять ягод налопались? — совершенно обычным скучным голосом спросила она.

— И не говори, лопают все, как мужик, — подхватила бабушка. — Рыбу всю сушеную у деда поела, полкурицы одна заломить может... Калиток с утра напекла, так ей эклер подавай.

— Соль надо, — женщина потянулась рукой к моему животу.

Вспомнив Надькины рассказы, что оборотню достаточно дотронуться, я лягнула ее и рывком села на кровати.

— Ты чего, сдурела? — спросила она. — Мало того, что обзываетесь, так еще и деретесь! Ну-ка живо ложись.

Когда к кровати с блюдцем в руках подошла бабушка, я поняла, что сопротивление бесполезно. Женщина насыпала соли мне на пупок и принялась что-то бормотать по-вепски, иногда проводя пальцем вокруг пупка, чуть нажимая и отпуская. Самые последние сомнения, шевелившиеся моей душе, отпали. Конечно, она была оборотнем.

Закончив речитатив, она потянулась к моему лицу — наверное, хотела потрогать лоб. Этот миг я потом долго прокручивала в памяти, сгорая от стыда. Не знаю, что на

меня нашло, какой животный порыв. Изловчившись, я вцепилась зубами в ее запястье и сжала что было сил. Она вскрикнула, я еще сильнее сжала челюсти и замерла.

Два ряда зубов оставили красивый овал с глубокими белыми вмятинами, похожий на большой циферблат часов. Она изумленно смотрела на меня, губы ее кривились, как будто оборотни умеют плакать.

— Ты что как звереныш, — накинулась на меня бабушка. — Прости, Алевтина, вот ведь дуру какую вырастили, совсем ошалела! Не стыдно тебе?

Женщина-оборотень посмотрела на свою руку, на меня, покачала головой и вышла из комнаты.

Живот мой скоро прошел: эклер повоевал и сдался. На убыль пошло лето. Надьку с братьями увезли в город. Я слонялась одна по Сюрьге и подолгу сидела на пригорке у дома Рассказовых, подкарауливая возвращавшихся в свое жилище земляных пчел и тщательно заделывая их лазейки. Впрочем, выходов у пчел имелось много, поэтому занятие было бесконечным.

Дом на Сорокиной горе был отсюда хорошо виден. Может быть, вовсе не пчелы, а он так и тянул меня залезть на пригорок. Я представляла, как пойду туда и скажу, что не хотела ее кусать и совсем не думаю, что она — оборотень. Сидя на пригорке, я сто раз повторяла это.

В конце августа бабушка достала из буфета коробку конфет и сказала, что перед отъездом надо сходить к Алевтине и попросить прощения за мое поведение. По дороге я спросила, почему та никогда не появляется в Сюрьге, как же она в магазин ходит?

— Зачем ей кругалась через нас делать, озеро обходить? — удивилась бабушка. — У нее с Сорокиной горы прямая тропинка есть, к дому Наумовых выходит, а там через погост и прямо до Шелтозеро.

Когда пили чай с конфетами, я не поднимала глаз и старательно изучала еле видный узор на старой клеенке. Про укус никто и слова не сказал. Они говорили друг с другом по-вепски и иногда кивали на меня. Наверное, бабушка опять жаловалась, что я ем, как мужик, не помогаю по дому, а по ночам читаю под одеялом с фонариком и скоро испорчу себе зрение. Алевтина отвечала ей на каркающем языке, который я не понимала.

На прощание она подарила мне заячью лапку с аккуратными, чуть сточенными когтями. Я положила ее в карман и гладила эти когти всю обратную дорогу, пытаюсь найти ответ на неразрешимый тогда вопрос: как можно быть старой и красивой одновременно?

— Смотри, там что-то светится, — тетка вернула меня из воспоминаний. — Точно говорю, это волки к деревне идут, пойдем в дом скорее.

Лежа под тяжелым ватным одеялом, я долго не могла уснуть. Светила луна, а за озером в доме на Сорокиной горе в одном-единственном окне опять зажегся свет.

Александр Маленков

Щит из кожи бегемота

В жарком золоте заката Пирамиды,
 Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам,
 Шёлком в воду светят парусные лодки
 И бежит луксорский белый пароход...

Я привёз
 Лук оттуда и колчан зелёно-медный,
 Щит из кожи бегемота, дротик гибкий,
 Мех пантеры и суданскую кольчугу,
 Но на что все это мне — вопрос.

Иван Бунин

— А это вам! Сувенир! — глаза Ростислава Андреевича сияли из-под седых кустистых бровей.

— Что это? — довольно холодно спросил Фёдор, принимая громоздкий сверток из рук тестя.

— Открой! Открой!

Несмотря на преклонные годы, тесть Фёдора аж приплясывал от возбуждения, как будто привез детям из Египта не сувенир, а как минимум нефтяную скважину.

— Папочка, что же там такое это? — подыграла Катя. — Федь, разворачивай скорее!

Фёдор со вздохом расшелушил подарок, и в его руках оказалось что-то похожее на большую тарелку.

— И что это? — саркастически спросил он.

— Это — щит из кожи бегемота! — возвестил Ростислав Андреевич.

Теща Вероника Дмитриевна все это время стояла рядом, чувствуя некоторую неловкость, и, поймав взгляд Фёдора, виновато пожала плечами.

— Ммм... Красота, — твердо сказал Фёдор, отдал щит из кожи бегемота Кате и, пятясь, ушел в комнату.

— Спасибо, папочка! — Катя обняла Ростислава Андреевича за шею и поцеловала в щеку.

Катя сказала, что Фёдор мог хотя бы притвориться. Фёдор сказал, что он очень благодарен Катиным родителям, что они приютили их, молодоженов, на время ремонта, но что это не повод ему, Фёдору, притворяться, что она, Катя, знает, что он, Фёдор, не любит лишних вещей, что они только собирают пыль, и что он, Фёдор, надеется, что им не придется тащить в новую квартиру никаких египетских щитов из кожи бегемота или каких-либо других животных.

Катя обняла его за шею, поцеловала в щеку, сказала: «Как я люблю, когда ты такой серьезный!» — за сим скандал был исчерпан.

Александр Маленков — сценарист, писатель. Родился в 1972 году в Москве. Окончил Московский институт приборостроения по специальности «Прикладная математика», работал программистом. Автор романа «Красные огурцы» (2015). Автор рассказов и эссе, с чтением которых регулярно выступает. Резидент проекта «Беспринципные чтения». Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 11.

— Минималист? — переспросил Ростислав Андреевич, достал футляр от очков, вынул из него специальную тряпочку, снял очки и начал их потирать этой специальной тряпочкой. — Хм, интересно... Очень интересно! И в чем прикладной смысл этой философии?

Лукаво щурясь он смотрел на своего симпатичного и умного зятя. Зять — спортивный, коротко стриженный и небритый — сидел напротив в белой футболке. Семейство в полном составе пило чай на кухне. На столе лежала скатерть, на скатерти — сервировочные салфетки, на салфетках — чайный сервиз, розетки для варенья (с вареньем) и ложечки для варенья.

— Смысл очень простой, Ростислав Андреевич, — заговорил зять, берясь за чашку.

— Федя, тебе положить сахару? — спросила Вероника Дмитриевна, и Кате вдруг стало ужасно уютно сидеть вот так на родительской кухне, слушать, как Федя спорит с папой и есть бабушкино варенье.

— Спасибо, Вероника Дмитриевна, я без сахара. Я вообще стараюсь сахар не есть. Смысл минимализма...

— Почему, с ним же вкуснее? — удивилась теща, уже занесшая было полную розовую руку над сахарницей.

— Он не полезный, я потом расскажу, если хотите. А насчет минимализма... Суть в том, чтобы иметь как можно меньше собственности. Любая собственность — это бремя. На самом деле нам нужно очень мало вещей для жизни. Одежда, инструменты для работы, инструменты для развлечений и всё. Все мои инструменты в ноутбуке. Так что все мои вещи — это ноутбук и одежда.

— Так это что же, аскеза? — спросил тесть.

— Ну это же скучно, Феденька! — сказала теща. — Надеюсь, варенье тебе можно?

— Чуть-чуть, спасибо. Нет, это совсем не скучно. Можно общаться, можно путешествовать, вообще иметь хобби. Меня развлекают не вещи, а впечатления. По поводу аскезы — нет, не аскеза. Я хорошо зарабатываю и собираюсь зарабатывать еще больше. Просто деньги нужны для инвестиций и качества жизни. Которое опять же измеряется впечатлениями, а не покупками. Любые вещи можно арендовать — машину, дом, дачу — без сопутствующих владению энергозатрат.

— Поэтому мы и не покупаем квартиру, — подтвердила Катя. — Да, кот?

— Да, солнце. Сейчас не лучшая конъюнктура. Снимать выгоднее.

Тесть хмыкнул, надел очки, положил тряпочку в футляр и спрятал его в карман.

— Допустим. Эти ваши телефоны много чего заменили. Но есть же вещи, которые хранят память? Сувениры, подарки, так сказать, свидетели былого.

— У меня нет таких. Я стараюсь к вещам не привязываться. Для памяти есть фото и видео, и это, — Фёдор постучал пальцем по лбу. — Лучшие воспоминания те, которые в голове.

— Хорошо... Есть еще вещи статусные. Трофеи, символы достижений. Часы, дорогой костюм, запонки, антиквариат...

— Ростислав Андреевич, это всего лишь игра. Называется демонстративное потребление, консьюмеризм. Я не играю в статусы, мне не нужно никому ничего доказывать. И поэтому часы мне не нужны.

— Не знаю, не знаю... — задумчиво проговорил тесть. — Мне вот приятно знать, что у меня есть римская монета с портретом Нерона.

Фёдор приподнял бровь и едва заметно улыбнулся.

— Что? — засмеялся Ростислав Андреевич, заметивший эти мимические маневры на лице зятя. — Скажи, скажи!

— Иногда мы пытаемся что-то доказать самим себе.

— Да, пытаемся, пытаемся! Самооценка — это не группа крови, не врожденное

качество. Каждому человеку нужно чем-то ее повышать. Я был человеком, у которого не было римской монеты. А теперь я — человек, у которого есть римская монета.

— А также человек, у которого есть все его бумажки за пятьдесят лет в десяти шкафах, — добавила Катя.

Помолчали. В тишине мягко звякали ложечки, пахло земляничным вареньем. Вероника Дмитриевна ласково посмотрела на спорщиков и удовлетворенно, как после хорошего фильма, вздохнула.

— По твоей логике, Федя, наша квартира — просто склад ненужных вещей? — спросил тесть, причмокивая.

— Это ваше дело, — миролюбиво ответил зять. — Если вам так нравится...

— Склад, склад! — вмешалась Катя. — Я давно говорю, тут ни пройти ни проехать из-за шкафов, набитых непонятно чем. Прямо-таки тяжело дышать! Папа, давай их разберем и выкинем половину.

— Да, папа у нас любитель... вот это все... не выбрасывай, оставь, пусть будет... — улыбнулась Вероника Дмитриевна.

— Навалились, — сказал Ростислав Андреевич. — Всей кучей на одного. Консьюмеристом обзывают. Стая товарищей...

Под напором молодого поколения Ростислав Андреевич согласился на давно обещанный жене разбор вещей. Альбомы, книги, папки с бумагами, брюки, пиджаки и плащи, тарелки, чашки, забытые приборы, ржавые инструменты, пыльные игрушки — все они доставались из шкафов и сопровождалось более или менее удачными попытками хозяина рассказать историю предмета. Глава семейства набивал цену каждой вещи, как будто это был аукцион. Жена и дочь скептически слушали, определяли sentimentalную ценность лота и выносили вердикт. Фёдор помогал физически, храня деликатный нейтралитет.

— Эту картину мы купили в Ялте, в 79-м, помнишь?

— И не стали ее вешать на стену, потому что она ужасная. Помню!

— Кошмар! — резюмировала Катя. — На помойку!

— О! А у этого осциллометра целая история! После практики в 69-м я...

— Рухлядь, папа! А это что за манускрипты?

— Черновики моей диссертации...

— Черновики! Даже не черновик. Может быть, ты обойдешься самой диссертацией?

Свои старые куклы и плюшевые игрушки, сбереженные родителями, Катя смело покидала в кучу «на выброс», оставив только голубого пса без одного уха в качестве символа.

— Это что-то твое, Катюш... — сказал Ростислав Андреевич, доставая с полки черную пыльную коробку с проводами.

— Это моя старая приставка, Сега. В помойку.

— Сега? — вдруг подал голос Фёдор. — У тебя была Сега?

— Была, мы рубились в нее с ребятами. Весело было! — сказала Катя и положила коробку в кучу «на выброс» поверх игрушек.

— Я всегда знал, что ты завидная невеста! Настоящая Сега... У нас только у Вадика такая была.

— Зато теперь у тебя есть Плейстейшн!

— Это верно, — рассеянно сказал Фёдор, — это верно...

Ростислав Андреевич постепенно вошел в азарт разрушения и очищения. Он вынимал из шкафов папки, вещи, подшивки, все меньше их разглядывал и все с большим удовольствием кидал их в кучу, приговаривая «В топку! В топку!». Фёдор несколько раз сходил во двор с набитыми мешками для мусора. Теща волновалась: «Феденька, тебе же тяжело!» Зять шутил: «Бесплатный спортзал, Вероника Дмитриевна!»

После ужина, когда молодые уже ушли к себе, тещь, шаркая тапочками, подошел к их двери, прислушался и осторожно постучал.

— Да-да, — сказала Катя. Они с мужем лежали на диване и смотрели сериал на ноутбуке. Фёдор убрал руку с Катиного плеча.

— Не помешаю? Я на секунду. Просто хотел сказать, Фёдор, ты был прав! Я смотрю на эти пустые полки и чувствую... свободу. Как будто я всю жизнь тащил на себе какой-то ненужный балласт. Действительно, легче дышится!

— Пап, ты тоже решил стать минималистом?

— Возможно, возможно...

— Тогда тебе придется выкинуть и вторую половину хлама.

Ростислав Андреевич зевнул.

— Я подумаю об этом... завтра. Спокойной ночи, детки.

Дверь закрылась. Фёдор вернул руку на Катиное плечо.

— Ты какой-то задумчивый, — сказала Катя.

— Мне неудобно, что из-за меня устроили такой переполох.

— Ты думаешь, папа потратил столько сил, чтобы тебе понравиться? Ты, конечно, влиятельный член семьи, но не настолько.

— Да? Ну ладно. Давай дальше смотреть.

Катя проснулась среди ночи от какого-то шуршания. Вместо мужа в постели лежала слегка пугающая спростонья пустота. Через приоткрытую дверь лился свет из коридора, потом он потух и, несколько скрипучих шагов спустя, в комнату прокрался муж. Он постоял, тихо споткнулся о коробки с вещами, ждавшими переезда, и замер.

— Я все знаю, — ровным голосом сказала Катя.

— Ты чего не спишь?

— Ты был у нее, да?

— У кого? — тупо спросил Фёдор.

— Да ну, с тобой неинтересно. Нельзя быть таким серьезным в час ночи... — Катя зевнула. — Правда, куда ты ходил?

— Никуда... неважно... спи, — Фёдор что-то положил на коробки и стал раздеваться.

Катя шелкнула выключателем, муж поморщился. На коробках лежала Сега.

— Что это?

— Ничего.

— Это же моя старая Сега. Ты же ее вынес на помойку.

— Вынес. А теперь принес, — Фёдор разделся, залез в постель и повернулся спиной.

— Кооот! — воскликнула Катя сквозь зевок, села и стала тянуть Фёдора за плечо. — Ты среди ночи притащил с помойки мою старую Сегу?!

Некоторое время муж боролся, зарывался в подушку, но жена была непреклонна.

— Ты же у нас рациональный человек. Обоснуй свой поступок! Ты сам меня учил.

— Хорошо! — Фёдор сел. — Ты права. Слушай. Обещай, что не будешь смеяться.

— Ага, разбежался.

— В общем, все детство я мечтал о Сеге. Она была только у Вадика, я ему страшно завидовал. Он даже школу, по-моему, не окончил, но он до сих для меня — мальчик, у которого есть Сега. И вот когда я ее сегодня увидел, я понял, что до сих пор ее хочу. Я боролся, честное слово, весь вечер боролся с этим чувством, потому что оно опровергает мою теорию минимализма. Это ненужная вещь! Я не собираюсь в нее играть. Но, кажется, мне нужна эта ненужная вещь. Сейчас, когда она у меня есть, я превратился из мальчика, у которого нет Сеги, в мальчика, у которого есть Сега. И это круто.

— Вообще-то это моя Сега, — сказала Катя. — Если что.

— Екатерина Ростиславовна, не окажете ли вы мне честь передать свою старую пыльную сломанную Сегу в мое безраздельное пользование?

— Возможно, возможно. Но с одним условием. Вместе с Сегой мы тогда забираем на новую квартиру и щит из кожи крокодила.

— Бегемота.

— Да, бегемота. Это мое условие.

— Ну что ж, — сказал Фёдор. — Минималиста из меня, как видно, не вышло. Придется переквалифицироваться в консьюмеристы...

Юрий Серебрянский

«Жанетта»

И пред лицом престола было море,
Стеклянное, подобное кристаллу,
А посреди престола и окрест —
Животные, число же их четыре.
И первое подобно было льву,
Тельцу — второе, третье — человеку,
Четвёртое — летящему орлу.
И каждое из четырех животных
Три пары крыл имело, а внутри
Они очей исполнены без счёта
И никогда не ведают покоя,
Взывая к Славе: Свят, Свят, Свят, Господь,
Бог Вседержитель, Койй пребывает
И был во веки века и грядёт!

Иван Бунин, «Апокалипсис»

Накануне вечером нам сообщили, что завтра никаких занятий не будет. Что, позавтракав, мы отправляемся на экскурсию в мемориальный комплекс «Майданек», а после нас ждет шопинг. И это уже кто сколько пожелает. Возвращение в номера студенческого городка — самостоятельно. Я захватил с собой небольшой термос, как обычно делаю в загородных поездках, но вдруг оказалось, что выходим мы рядом с оживленной автобусной остановкой, вроде даже не на окраине Люблина, а просто рядом с одним из зеленых парков, которых здесь много.

За массивной, из черного мрамора, входной группой, в точности соответствующей понятию «мемориал», виднелось большое зеленое ухоженное поле, пересеченное асфальтированными дорожками. Фонари вдоль дорожек, скамейки. Почти нет деревьев, только холм поодаль. Билеты лицам польского происхождения в прохладном вестибюле выдают бесплатно. Под солнцем мы шли к холму, пересекая поле, поглядывая на прогуливающихся по дорожкам мамаш с колясками и бегающих рядом детей постарше.

Юрий Серебрянский — прозаик, поэт. Родился в 1975 году в Алма-Ате. Окончил Казахский государственный национальный университет, получил диплом химика-эколога. Постоянный автор «ДН». Дважды — за повести «Destination» («ДН», 2010, № 8) и «Пражаки» («ДН», 2014, № 9) — лауреат «Русской премии» в жанре «Малая проза». Живет в Алма-Ате. Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 12.

За тот июнь, который я провел в Люблине, половину времени шел дождь, а когда не было дождя, солнце стояло в зените над колоколами костелов, но не пекло, и нам, и гуляющим было совершенно комфортно и светло здесь.

За холмом начались ряды черных просмоленных бараков. Разрешалось ходить вдоль рядов трехъярусных коек, больше там ничего и не было. Совершенно не могу вспомнить, были ли в тех «жилых» бараках окна, но запах смолы отчетливо слышу. Он остался в голове. А окон я не помню оттого, что нас водили в газовую камеру, и вот там окошко было. Небольшое, под потолком. По синему небу плыли облака, иссеченные линиями высоковольтных проводов.

На полу одного из бараков навалена была груда круглых очков в черной оправе, дужки их причудливо переплелись знаками параграфа из букваря, мы стояли и смотрели, и не знали, что это только начало. Следующий просторный барак заполнен был рядами деревянных ящиков со стоптанной детской обувью, похожей на реквизит какого-то театра. Но тонкий запах не оставлял сомнений в том, что все настоящее. Было настоящим.

В том большом бараке удавалось подобраться к узким окнам и рассмотреть деревню, начинавшуюся с дальнего конца поля. Никакого забора. Вот откуда здесь гуляющие.

Подшли к трем рядам заросших травой рвов у подножия холма. Нам рассказали, что евреям приказали раздеться и лечь у рва, сложив головы висок к виску с соседом. Для экономии пуль. И все равно понадобилось несколько тысяч пуль. Люди разделись и легли. Может, они просто не думали о смерти. На вершине холма огромная бетонная урна с человеческим пеплом. Это и был мемориал, построенный после того как выгребли печи.

Не совсем пепел. Что-то еще. Прах, принадлежащий не только евреям. Полякам, русским пленным, построившим Майданек, людям, укрывавшим евреев и преследовавшим их. Какие теперь споры.

«Тёмные аллеи» были написаны Буниным в Грассе во время итальянской, а потом и немецкой оккупации. Не знаю, был ли на вилле «Жанетта» рояль. Играл ли им вечерами Либерман, осталась ли его музыка в «Тёмных аллеях»? Александр Бахрах, которого Бунин также приютил на вилле, о музыке не пишет, но вспоминает: «После короткой паузы — он докурил папиросу и сразу же вставил другую в свой вишневый мундштучок — без малейшей связи с предыдущим вдруг спросил, словно выстрелил:

— А почему вы не цените моих стихов? Я, ей-Богу, недурно писал, — он улыбнулся, — но для вас они, конечно, недостаточно пряны и изысканны, Вас съел Блок».

Мы услышали звон колоколов костела, когда шли по дороге к выходу.

Подумал, что здесь, на этом холме и на всем поле, Бога нет. Как можно гулять с детьми там, где нет Бога?

Автобус ждал нас для того, чтобы отвезти в торговый центр. Но мы попросили водителя вернуться в номера академического городка.

Я лег и проспал до следующего утра. Снов не видел.